

СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Вызовы глобализации

РЕАЛЬНОСТЬ ГЛОБАЛИЗУЕМОГО МИРА И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА

Часть 1

В.И. САМОХВАЛОВА

Переход от индустриального общества к постиндустриальному, распространение новых высоких технологий, новых типов и уровней межгосударственных коммуникаций, тесное экономическое взаимодействие и сотрудничество от космических проектов до культурных обменов и даже некая сложившаяся взаимозависимость государств – все это в свое время сформировало контекст для постановки вопроса не только о необходимости, но и о возможности более высокого уровня интеграции мира, начавшейся на основе усиления взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. И уже нынешние исследователи¹ отмечают связанные с реализацией проекта такие явления, как интенсификация потоков товаров, услуг и капиталов, но в то же время, однако, и возрастающее неравенство и в темпах роста, и в доходах как между разными странами, так и в оплате труда внутри одной страны, а также высокий уровень безработицы и коррупции. На этом фоне наблюдается сращивание политических и экономических элит разных стран, продолжающих настойчиво говорить о необходимости глобализации, о ее безальтернативности в современных условиях, когда растет население, растет потребление и уменьшаются запасы природных ресурсов...

Проект глобализации – первоначально представившийся реальным для решения многих назревших общих проблем, для осуществления идей необходимой оптимизации управления общечеловеческим «планетным хозяйством» и объединения земного человечества во имя его развития, – выглядел привлекательно и вызывал энтузиазм, но постепенно в ходе реализации начал обнаруживать некую надуманность, наличие некой скрываемой общей цели: столкновение с реальностью выявило и некую его утопичность, и определенную мифичность. Утопичность в свою очередь вскоре обнаружила отчетливые черты антиутопии, а мифы – свою несостоятельность в связи с лукавством мировой элиты, все настойчивее говорившей, например, о «золотом миллиарде» и о связанной с этим весьма одиозной программе контроля над численностью населения планеты. Кроме того глобализационным декларациям и усилиям продолжают противостоять столь же активные

антиглобализационные заявления и действия как противников глобализации (объявленных глобофобами), так и прежних ее сторонников, прозревших относительно ее действительных целей (о чем ниже) или разочарованных достигнутыми ею результатами.

Произвол в навязывании глобализационных стратегий, попытки унифицировать весь уклад жизни народов с самыми разными культурными традициями и т.п. заставил пристальнее взглянуться в сами *стратегии* предлагаемой программы, что обнаружило противоречие между нею и реальным ее воплощением, помогая увидеть реальные стратегии и понять ее истинные цели. Иными словами, сам проект, воспринимавшийся прежде как идеализированный образ должного и желательного, основанный на *реальной необходимости* объединения всего человечества перед лицом вставших перед ним масштабных проблем (от общепланетных и до космических), требующих объединения и научно-технических возможностей, и ресурсов, существовал как бы сам по себе, а то, *что* строилось по неким скрытым стратегиям, подразумеваемым глобализаторами, было как бы внутренним, закрытым планом, осуществляемым главным *субъектом* глобализации.

Так, в современной реальности США, провозгласившие себя (с разрушением СССР) единственной сверхдержавой и потому единственным реальным *субъектом* глобализации, по факту превратили всех остальных в *объекты* своей направляющей воли, что сделало гипотетически возможный полицентризм сил актуально недостижимым. Факт выстраивания не столько общей, сколько *своей* системы мегаобъединения З. Бжезинский, например, не только не отрицает, но считает, что задача сохранения Америкой мирового господства и впредь потребует «международного порядка», который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы². Это означает, что идеологией глобализации становится фактически идеология преимущества одной страны, одной системы, одной культуры. И, следовательно, геополитические и экономические интересы этой страны выступают в качестве объективной программы глобализационных стратегий. Так, прошедшие в наших СМИ сообщения о том, что США (несмотря на свой государственный долг в 19 трлн долл.) уже в новом году выделяют 600 млрд долл. в своем бюджете для противостояния России³ (ибо ее технические разработки по качеству превосходят американские), могли бы заставить задуматься над действительным положением вещей.

Если первоначально кто-то и находился под известным «гипнозом» успехов американской политики и ее способности к безальтернативному мировому лидерству и управлению, то постепенно четкое осознание ошибочности отождествления своих интересов с проектом глобализации как выражением интересов США должно было бы составить основу для других стран – и прежде всего для России – в выработке всеми ими адекватного поведения в данной ситуации. Это не столь простая задача, как может показаться, в условиях существования такого феномена, как

всеобъемлющее массовое сознание с характерной для него ложной идентификацией, когда человек под массивным воздействием информационных средств и технологий, в атмосфере соответствующей многосторонней обработки сознания становится склонным отождествлять свои интересы с чужими, вопреки действительной собственной социальной, политической, культурной и других принадлежностей. Господствующие в информационном пространстве мифы, благодаря особой организации массивного воздействия информационных средств и технологий, обуславливают подмену интересов, и человек начинает участвовать в реализации целей, по сути чуждых, а порою и враждебных ему. При этой *ложной идентификации* изменяются или подменяются сами *критерии* идентичности. Политические и социальные мифы заставляют человека идентифицировать свои интересы с интересами групп и людей, цели которых расходятся с его собственными; человек как бы раздваивается: в своем реальном жизненном бытии оставаясь по-прежнему со своей референтной группой, сознанием своим он оказывается вписан в систему чужих для него взглядов, интересов, представлений, образцов поведения.

Эта особенность существенным образом характеризует специфику современного глобализационного проекта, ибо становится очевидно, что он задуман как реализуемый руками самих *глобализуемых* участников без *видимого* принуждения или насилия. Надо лишь включить механизмы ложной идентификации, чтобы заставить людей работать «мимо себя» на проект, способный оказаться вредным для них. Одним словом, глобализация, реально существующая как *американизация*, не является желательной и выгодной для всех: реальная *возможность* навязывать свои ценности не равняется их реальным *достоинствам*. Во многом Америка лишь возвращает Европе ее же переработанную и оживленную местным контекстом культуру (не поддающееся переработке и ассимиляции просто подавляется, как произошло с коренным индейским населением и его культурой). Философия же *прагматизма* как родившаяся в Америке и действительно выражающая ее дух, закрепляет его в поведении и частном, и общественном; *индивидуализм* в крайних формах, опирающийся на *силу*, становится доминирующим фактором при решении всех проблем, включая культурные⁴. Единственное, в чем действительно очевидны успехи Америки, это сфера менеджмента: массовая культура, когда в Париже, Москве и Токио одинаково смотрят американские боевики, едят хот-доги и запивают их «пепси», говорит об успешности построения их системы производства и сбыта даже самого примитивного товара. Успешны и их информационные войны, благодаря, в частности, наличию их агентуры в разных странах.

При этом способность манипулировать сознанием через внушение того или иного мифа или создание нужной картины мира казалось бы упрощает проблему управления, но с другой стороны, наталкивается на порождаемую этим (в связи с ощущаемым расхождением между реальностью и ее «картинкой») разорванность восприятия и понимания, на некую

ощущаемую шизофренизацию самого сознания, на связанные с этим и провоцируемые дефекты рациональности, воли, адекватности восприятия и действия. В то же время для осуществления всякого проекта необходимы реальные действующие лица, не только целеполагающие акторы, но и организованная «массовка», доводящая проект как до его законченного вида, так и до воплощения. Говоря о *глобализационных* проектах, важно подчеркнуть, что как данное понятие в принципе *может* иметь разные смыслы, так и сам проект — разные *цели*, что определяет и разные *ценностные* векторы этих разных смыслов, и разную *стратегию* достижения целей. В одном случае (идеализированном и мечтаемом) глобализация понимается как а) организация *единства многообразия*, обеспечиваемого взаимодействием разных укладов и традиций в реальной жизни обществ, социокультурных образцов и ценностей; б) как установка на *полилог* разных, но равнозначимых и равноинтересных партнеров и в) как *обогащение содержания* многоуровневой жизни человечества и его культурного пространства. В *действительности* же глобализация осуществляется как *унификация* социальных, экономических и культурных моделей, что с неизбежностью будет означать и гомогенизацию культурно-жизненного пространства человечества, и тем самым известное его упрощение. При этом сама унификация, как говорилось, должна происходить по американскому образцу, а гомогенизация — означать «структурирование» пространства в соответствии с ценностями того же глобализационного *лидера*.

Иначе говоря, при реализации нынешнего проекта глобализации был избран вариант как явного, так и завуалированного одностороннего монологического диктата, при котором происходит вытеснение, подавление культурной моделью, взятой за образец, всех остальных укладов и культур, что определяет в результате реальное *обеднение* широко понимаемой многообразной человеческой культуры с ее метафизическими целями, ее смыслами и ценностями. Говоря о метафизике какого-либо явления, обычно имеют в виду некий, лежащий за уровнем его материальной предметности уровень, выступающий определяющим основанием для его физического проявления, ибо он так или иначе содержит в себе *причины* проявленных в нем событий и вещей; таковым «метафизическим» планом здесь выступает *метаэкономическое* пространство с его самыми общими проектами и целями. Энтузиасты глобализации обычно сводят не только ее цель, но и ее содержание к решению финансово-экономических проблем, и в *их интерпретации* экономика в глобализационную эпоху выступает в качестве *предельного* обоснования и объяснения *всех* происходящих в обществе процессов.

Ныне процесс глобализации, как бы незаметно становящийся неотступной реальностью — независимо от того, осознали мы или нет ее действительные цели и методы, — означает реальное изменение всей *парадигмы жизни* и человечества в целом, и каждого отдельного человека. Различные проявления глобализационных явлений и стратегий, когда отдельные «национальные социумы оказываются составными

элементами единого всемирного хозяйственного организма, а их судьбы в возрастающей мере определяются ходом развития этого организма как целого»⁵, время от времени становятся предметом обсуждения для представителей самых разных областей знания от экономики до культурологии. Внимательный анализ, актуальное рассмотрение самых последних событий и тенденций в этой области показывает, что проблема постепенного обнаружения утопического проекта в качестве случившейся мрачной антиутопии становится не просто вопросом экономического объединения мира, но проблемой самого человека в наиболее общем и значимом смысле его сложно «двойной природы». Даже идеальный замысел в случае самой добросовестной его реализации может претерпевать искажения, ибо практические действия не всегда могут точно следовать за движениями самого лучшего идеального проекта. Так, возможны не только сознательные искажения утопии в антиутопию, но и невольные — от нетерпения, от слабости метафизической основы, от духовной несостоятельности, эгоистических соображений и т.п.

В действительности часто оказывается, что черты антиутопии прорастают из тех самых тенденций, что содержатся в утопии и при реализации этой утопии становятся логическим следствием развития не столько лучшего, сколько, нередко, худшего. Так, некоторые характеристики идеального государства Платона обернулись тем, что мы увидели в изображении государства у Дж. Оруэлла в «1984», а некоторые доведенные до абсурда приметы социального устройства из «Города Солнца» Т. Кампанеллы мы видим у Е. Замятина в его антиутопии «Мы». Идея Н.Ф. Федорова о воскрешении всех предшествующих поколений как осуществлении высшей справедливости в достигшем своего расцвета человеческом обществе весьма органично выливается в форму антиутопийного глобализационного проекта «Суахили», о котором пишет А. Проханов в своей книге «Господин Гексоген»: там подхвативший (и извративший) федоровскую идею функционер-глобализатор глубокомысленно изрекает, в частности, что ведь для того, чтобы воскресить, сначала нужно убить...

Утопии перерастают в антиутопии, когда изменяются цель, смысл и стратегии интеграционных усилий. Утопия, недовольная тем, что есть в действительности, строит свое видение того, как это должно быть — идеальное социальное устройство, идеальный совершенный человек. Но она перерастает в антиутопию, когда целью становится не искреннее, пусть и наивное конструирование идеала, а вполне жесткий расчет власти на усиление своего могущества. Целью антиутопии так или иначе, в тех или иных формах, в конечном счете является власть; целью *глобализационной* антиутопии становится власть как возможность *управления историей*, при этом современное прочтение формулы власти несколько отличается от классического: если раньше говорили: разделяй и властвуй, то теперь необходимо добавляют: но после этого объедини и возглавь. Возникновение национальных олигархатов как результат применения экономических глобальных стратегий — «примерка» расслоения масс уже не только экономически, но и *психологически*.

Национальные олигархаты объединяются в мировой, возглавляемый глобализационным стратегическим центром. Естественно, новое объединение уже реально осуществляется на тех основаниях, которые нужны и выгодны объединителю. Остальные массы, однако, объединяются «центром» лишь для удобства управления ими, и для этого проводится целый ряд специальных мер — от мировой полиции в виде НАТО до внедрения в повседневную практику самого *разного* рода детекторов лжи...

Действительно, современные информационные технологии позволяют по-новому объединить людей, фактически абсолютно их разъединив («толпа на дому», по меткому определению В. Пелевина), разложив общество на человеческие атомы и превратив само общество в гомогенизированную мегатолпу индивидов, которых ничто не объединяет, ибо искусно введены сложные системы разделения, не позволяющие людям осознать свою общность с другими. Атомизация общества, основанная на стимулировании крайнего индивидуализма, фабрикует атомизированного массового человека, растворенного во вненациональной культуре, лишенного традиционных религиозных ценностей, социальных привязок и ориентиров. Это своего рода нравственно-психологический люмпен с анестезированной телевидением душой. Если высокая утопия характерна верой в лучшую часть природы человека, в культивирование ее и в победу именно лучшего в нем, то антиутопия так или иначе делает ставку на актуализацию худшего в нем, эксплуатирует — в своих целях — его недостатки и пороки. В результате реализуемая антиутопия производит «своего человека», о чем один из членов Бильдербергского клуба Ж. Аттали в своей книге «Линии горизонта» писал, что космополитизация человечества как главная цель организации нового мирового порядка делает основной характеристикой психоментала человека дух и настрой кочевничества; у новых «кочевников» не будет ни чувства родины и родной почвы, ни веры предков — своеобразный «человек-перекасти-поле», равнодушный ко всему кроме желания «хлеба и зрелищ», последнее, конечно, в современном информационном варианте. К сожалению, огромные массы людей, делающихся мигрантами в результате сопутствующих глобализации разного рода конфликтов (нередко искусственно организуемых), нестабильности в экономике и т.п., заставляющих искать лучшего места или просто спасения, наводят на мысль, что и эта странная идея о кочевниках воплощается-таки в действительность в глобализуемом мире под воздействием жесткой руки, перемешивающей мир и формующей его как бы заново.

Итак, черты антиутопии разворачиваются на наших глазах. Требование справедливости занимает *последнее* место в сегодняшней иерархии основных ценностей, ибо отвлекает от материальных доминант жизни в современном обществе. Умышленно и настойчиво производится отождествление понятий равенства и одинаковости, чтобы скомпрометировать идею равенства, представив ее как стремление к серой неразличимой одинаковости, что вполне реализуется в однозначной унифицированности массовых людей; действительные же люди — *разные* и

неповторимые, но *равные* в своих правах, доступе к гарантированным социальным благам, возможностям реализации и т.д., изображаются в *сниженном* образе человека как такового — часто глупыми и наивными.

Таким образом, антиутопия начинается, когда идея единого *человечества* заменяется программой формирования общей человеческой *мегатолпы*, послушной властной руке. В добросовестной утопии ее автор так или иначе стремится через единое человечество представить некий идеальный образ совершенного человека, воплощающего, например, идею Богочеловечества. В антиутопии человек реализует проект сверхчеловека, который понимается не как сильный и волевой, состоявшийся, реализовавший себя и ответственный человек, но как человекобог, поднявшийся над остальными; и поскольку не все способны стать сверхчеловеками (причины, однако, могут быть разные), то «несмогшие», как мусор истории, подлежат угнетению или просто уничтожению. В словаре глобализационного проекта есть такое понятие — «нерентабельное население»; смысл этого понятия должен был бы заставить задуматься большинство населения стран второго и третьего мира... Современный внешне безобидный масскульт, искусно пропагандирующий нетрадиционную сексуальную ориентацию, поэтизирующий нетрадиционные возрастные предпочтения и извращенные семейные отношения, тем самым косвенно работает на цели депопуляции⁶. Различий особых не делается: что перед Бразилией, что перед Россией и т.д. одинаково поставлена входящая в проект глобализации программа необходимой *депопуляции*, преследующей цели уменьшения нерентабельного населения ради будущего благополучия и процветания избранного «золотого миллиарда»⁷.

О стремлении построить «счастье для всех» говорят не просто как о невозможном практически, но как о ненужном с позиций *установочно-теоретических*. При этом делаются ссылки на существование якобы безальтернативного естественного отбора в природе. Во-первых, это не совсем так (ибо в природе известны также законы сотрудничества, кооперации, симбиоза), во-вторых, человек и создал вторую природу, культуру, именно для того, чтобы ослабить диктат первой природы. Декларации о необходимости вернуться к природе должны означать не возврат к природе дочеловеческой, но обращение именно к *природе человека* как нового природного феномена, сумевшего выжить в природе и развиваться во многом благодаря новым качествам, приобретенным благодаря его особой социальности.

Глобализация разворачивается на фоне все более укрепляющегося неподлинного бытия, когда жизнь человека фактически превращается в обслуживание многочисленных вещей, которые якобы облегчают и украшают его жизнь, но на самом деле подменяют ее подлинность погоней за ускользающим комфортом. В современном обществе также сознательно культивируется стихия иррационализма в неведомых ранее формах и масштабах; это не только как бы имманентный иррационализм, естественно свойственный потайным уровням человеческой

психики, но иррационализм, *рационально* взращенный и организованный. Технология такого раскручивания иррационализма представлена в постмодернистской философии, предлагающей приключения симулякров в ризомах подсознания и свой, особого изготовления, хаосмос.

Это и уведящая от реального мира виртуализация, захватывающая и сознание, и в самой жизни способная сделать призрачной грань между реальным и вымышленным, явью и фантазией. Это и распространенная и даже неявно поощряемая практика дилетантизма, основанная на люмпенизации профессионалов, на разрушении и дискредитации самого профессионального мышления. И тогда стираются различия между наукой и утопией, тогда логику заменяет постмодернистский дискурс, анализ и доказательство — полеты беспочвенной фантазии; тогда альтернативную концепцию истории почему-то представляет одаренный *математик* А. Фоменко, альтернативу эволюции человечества — талантливый *офтальмолог* Э. Мулдашев и т.д.

Это и бесконечное пародирование всего, что наиболее значимо, или «знаково», или дорого в культуре. Пронизывающий культуру дух пародии говорит не только об утрате чувства меры или вкуса, но и о разрушении *творческого* начала; будучи не в состоянии создать нечто свое, новое, человек начинает пародировать известное, созданное другими, вуалируя насмешкой собственное творческое бессилие, недостаток оригинальности своего мышления. Это и повсеместная практика неразличения правды и лжи, черного и белого, ибо «на самом деле все относительно»... Подобные спекуляции на относительности всего — всех ценностей, истины, добра, красоты — дезориентируют человека и рождают у него неуверенность в своей способности правильно понимать мир и ориентироваться в нем. Действительно, если прежде мир был объективен в своем бытии, а изменение было его *характеристикой*, ныне скорость изменений сделала само изменение как бы самостоятельной *сущностью*. Искусство и СМИ втягивают человека в нескончаемую игру, превращенную в основную форму жизни. Некая «условность» всего, вплоть до действительности, — неперменный атрибут истолкования любых фактов жизни, вплоть до драматических. Скандалы, шоу, карнавалы — все должно скрыть главное, отвлечь внимание от основных проблем, от главного содержания жизни, того, что в политике свершается под шумок. Непрекращающийся «карнавал» отодвигает на задний план сущностные, смысловые формы и проявления жизни, ее действительные проблемы. *Шоуизации* подвергается не только культура, но и сам мир, предстающий как объект для организации эффектных зрелищ⁸.

«Плюрализм», совмещающий несоединимое, приравнивающий несопоставимое, порождает ощущение абсурдности происходящего. Так, вошло в обиход словосочетание «гуманитарные бомбардировки» (так сказать, войны, ведущиеся альтруистами и филантропами, изо всех сил готовыми утверждать «гуманитарные ценности»); по этой логике не меньшими гуманистами выглядели бы людоеды, которые по-своему тоже очень любят людей. Утрата контроля над семантическими кате-

горящими, произвольность и даже девиантность смысловых ассоциаций свидетельствуют не только о деградиционных процессах в сознании, но и о намеренной деформации мыслительного пространства. Таково, например, употребление слова «фундаментализм» только в негативном контексте, например, в обычной связке со словом «терроризм». Но фундаментализм — это лишь стремление возвратиться к своим культурно-религиозным корням, опереться на свои основания (фундамент), обратиться к глубинным основам традиционного жизнеустройства, образа мышления и восприятия, что выступает в общем-то естественной реакцией на глобализацию, свидетельствуя о стремлении нейтрализовать культурное нивелирование обращением к своим культурным истокам.

Разорванность сознания, смешение понятий, формирование какой-то виртуальной логики, «органично» включающей в себя абсурд, приводят к своеобразной утопизации сознания, которое не способно осознать собственную утопичность. Из-за этой утопичности сознания, своеобразной инфантилизации ментального процесса складывается кризисное состояние во многих областях современной науки, когда на ошибочных, ложных (или нарочито извращенных) посылах с помощью научного понятийного аппарата и привычной логики строится та или иная теория; иногда эта видимость научности способна закамуфлировать ложность посылок, положенных в ее основание. Деформация сознания, дух абсурдности, пронизывающий все формы жизни, разрыв ментальной «топологии» пространства приводят к образованию неких деградиционных воронок, которые затягивают и поглощают целые участки действительности. Одна из главных идей информационной войны за глобализацию — создать субъективное ощущение свободы при объективной несвободе. Так, подобная идея была выражена в известном аллегорическом образе «великого инквизитора» из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского; инквизитор считал необходимым умерщвление в человеке самого инстинкта свободы. О какой свободе может идти речь в условиях, когда человек все более направленно превращается в функцию⁹?

Наряду с этим, в контексте удивительных достижений науки, на основе совершеннейшей современной технологии оказалось воскрешено то, что казалось невозвратно ушедшим в прошлое — рабство, когда создаются целые интернациональные картели по продаже женщин, детей, человеческих органов (для пересадки), когда воскрешена пиратская практика похищений и взятия заложников. Разбой и жестокость до патологии, привычный показ которых по ТВ развращает душу (обретением опыта, который человеку не нужен и даже противопоказан, ибо вызывает в сознании и душе *необратимые* деформации), дают основание исследователям говорить о «вторичной варваризации» человеческого общества. Жестокость и цинизм становятся следствиями отрыва человека от корней своей человеческой (развитой) природы, а жизнь как таковая перестает восприниматься всерьез — ведь достаточно

нажать соответствующую клавишу (кнопку), чтобы отменить необратимое: жизнь и смерть уже не святые понятия, а произвольно включаемые и выключаемые, т.е. условные и взаимобратимые процессы.

Показательна в этом отношении и эволюция детских игрушек. Препознанных Аленушек и Барби сменили сначала телепузики (которых автор Чебурашки Э.Н. Успенский назвал телегнусиками), потом покемоны, затем твинисы... т.е. непонятные существа неизвестно какой природы, лишенные обаяния и эстетической выразительности, не имеющие ни культурной (традиционной) укорененности, ни объективной апелляции к детской душе. Подобное является отражением общей тенденции к *деантропологизации* человека, когда наряду с его материально-вещным «заземлением» он одновременно как бы изымается из собственной человеческой природы — целостной и многогранной — и втискивается в какой-то виртуальный образ сконструированной по неведомым техническим лекалам некоей сущности (или видения нездоровой фантазии).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире. Сборник обзоров. — М., 2012.

² См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. — М., 1999. С. 41.

³ Можно подумать, будто Россия собирается угрожать США или вообще кому-либо; у нее достаточно своих планов и других программ, отличных от приписываемых ей мифических.

⁴ См. подробнее: *Самохвалова В.И.* Информационная война как повседневность // *Философская Россия.* 2006. № 1.

⁵ См.: *Шшиков Ю.В.* Глобализация, конечно, бросает вызовы... // Материалы семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 7. — М., 2001. С. 28; *Самохвалова В.И.* Идеология единого мира. Из истории глобальных проектов // *Полигнозис.* 2010. № 3.

⁶ Это могут быть также прямые провокации к наркотикам, убийству, террору и т.п.

⁷ В частности, возникают «ниоткуда» микробы-возбудители неизвестных прежде болезней типа СПИДа, лихорадки Зика и т.д. Кроме того, в «элитных странах», например, запрещены продукты, экспортируемые в страны «третьей категории» (из-за «пищевых добавок», консервантов и пр.).

⁸ Как мы помним, даже из трагедии 11 сентября 2001 г. в Америке в свое время умудрились сделать прежде всего грандиозное и эффектное шоу.

⁹ Так, в СМИ сообщалось об использовании специальных веществ, облегчающих управление сознанием, в частности, бензедрина, предназначенного для программирования человеческого сознания на определенную цель.

Окончание следует